

СЕРИЯ «МИРЫ ОЛЬГИ КУНО»:

ЗАПИСКИ ФАВОРИТКИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ТОРНСАЙДСКИЕ ХРОНИКИ
НЕВЕСТА ПО ЗАВЕЩАНИЮ
ЖЕНА ПО ПРИЗВАНИЮ

ОАЛГА КУНО

НЕВЕСТА
ПО ЗАВЕЩАНИЮ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
К91

Куно, О.

К91 Невеста по завещанию / О. Куно. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 266 с.: ил. — (Миры Ольги Куно).

ISBN 978-5-521-91467-8

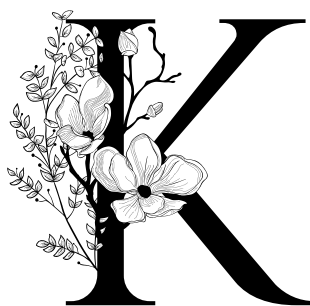
После смерти короля Истленда принц Рауль готовится взойти на престол. Однако кто-то пытается воспрепятствовать молодому человеку, методично покушаясь на его жизнь. Айрин Рэндалл, обладательница редкого магического дара находить общий язык с животными, помогает принцу в поисках преступника. Для того чтобы оказаться в кругу представителей королевской крови, она притворяется фавориткой его высочества. Сможет ли Айрин вычислить преступника? Удастся ли ей, погрузившись в хитросплетение дворцовых интриг, сохранить собственную жизнь? И, наконец, сумеет ли мнимая фаворитка устоять перед подлинным обаянием принца?

BIC FM
BISAC FIC009000

© Ольга Куно, текст, 2020
© Елена Чернова, дизайн обложки
и иллюстрации, 2020
© Галина Чернецкая, иллюстрация, 2020
© Елизавета Метлинова, иллюстрация
на обложке, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-91467-8

Глава 1

арета остановилась перед массивными каменными ступенями, ведущими к входу в замок. В последний раз скрипнуло многострадальное колесо, возвещая о конце путешествия. Я расправила плечи, pokrutila головой из стороны в сторону (шея основательно затекла) и распрямила ноги, насколько мне позволяли размеры кареты. Оказывается, продолжительное сидение на одном месте — особенно если оно сочетается с монотонной, выматывающей душу тряской, — может утомить сильнее тяжелой работы.

А ведь я так ждала этой поездки. Боялась, конечно, не скрою, очень боялась, но и ждала тоже. Даже не знаю, какое чувство было сильнее. Желание покинуть пансион после четырех невыносимо долгих лет было настолько сильным, что притупляло даже страх перед неизвестностью. И поначалу я действительно получала удовольствие от поездки: сидя в карете в полном одиночестве, мне наконец-то не надо было что-либо изображать из себя. Можно было просто прильнуть к окошку и разглядывать сменяющие друг друга пейзажи. Сперва шли огромные пушистые луга, словно зеленая махровая ткань, местами украшенная заплатами из цветов, — преобладали незабудки, розовый клевер, а также редко встречающиеся в других графствах оранжевые маки.

Выглянув из окна, можно было увидеть далекие силуэты гор, подернутые белесой дымкой. Постепенно горы становились ближе, а луга сменились хвойным лесом, который впоследствии уступил место засеянному полям. Тогда я предположила, что мы подъезжаем, и в общем-то была права. Только не знала, что даже отсюда ехать придется почти целый час.

И постепенно, по мере того как карета продвигалась через поля к деревням, а потом через деревни к городу, эйфория отступила, а на ее месте поселилась тревога. Поначалу она была едва ощутимой, сопровождала меня легким фоном, но, стоило мрачному силуэту замка показаться из-за склона очередного холма, беспокойство захватило меня без остатка. Что-то будет...

Я качнула головой, стараясь отогнать собственные страхи. Вдруг все окажется не так уж и плохо?

Меж тем слуга, посланный хозяином замка, чтобы привезти меня сюда из пансиона, спрыгнул с козел, где все это время ехал рядом с кучером, и отворил мою дверцу. Опираясь на поданную им руку, я вышла из экипажа. Не сказав ни слова — он вообще был неразговорчив, — слуга захлопнул дверцу и направился к задней части кареты, где был привязан сундук с моими вещами. Я проводила его взглядом. Этот человек казался мне немножко странным: крупный, широкоплечий и при этом несколько несуразный, весь какой-то... квадратный. Квадратным казалось и туловище, и даже голова, обрамленная светло-рыжими волосами. Впрочем, может быть, ничего несуразного в слуге и не было. Просто за годы жизни в пансионе я почти успела забыть, как выглядят мужчины...

Эта мысль заставила меня снова вспомнить о главном мужчине, обитавшем в этом замке, к которому меня, собственно, только что и привезли. Руки начали едва заметно дрожать. Спокойно, Николь, спокойно. Ты его еще даже ни разу не видела. Настраивайся на лучшее. Он может оказаться умным и приятным в общении. И даже привлекательным внешне. Кто знает? В конце-то концов не зверем же был мой отец. Мир его праху... Пусть он и не горел желанием особенно часто видеть свою дочь,

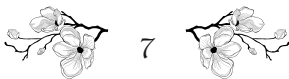
но не мог же он распорядиться в своем завещании, чтобы меня отдали в жены кому-то совсем уж ужасному?

Эту мысль как молитву я повторяла про себя последние несколько дней, и с каждым разом верила в нее все меньше. Кто вообще знает, что взбрело в голову моему отцу? Да простят меня боги, я знаю, нельзя так думать о мертвых, но взять и завещать свою дочь постороннему человеку — поступок, мягко говоря, нестандартный. И вряд ли можно было рассчитывать, что он приведет меня в восторг.

— Прощу вас, госпожа. Виконт вас ждет.

С сундуком слуга выглядит еще более несуразно, но его голос звучит настойчиво, почти повелительно. Или мне только так кажется? В любом случае, я покорно киваю и медленно шагаю следом за ним к каменным ступеням. Несколько человек столпились на пороге специально для того, чтобы поглазеть на меня. Они разглядывают меня без всякого стеснения, совершенно не скрывая своего интереса. Наверное, обсуждали последние несколько дней и теперь высыпали посмотреть, совпадаю ли я с образом, который они нарисовали... И я не выдерживаю, опускаю взгляд, хотя и знаю, что так нельзя, что необходимо с самого начала правильно себя поставить. Жаль, что как раз этому-то нас в пансионе и не учили. Готовили, напротив, быть смиренными, робкими и покорными. Впрочем, и этому я научилась только притворяться. Лицемерие — главный урок, который необходимо постичь, чтобы жизнь в религиозном учебном учреждении оказалась сносной.

Слуги, хоть и в самый последний момент, расступаются. Я прохожу внутрь. Передо мной — просторный зал вытянутой формы. Впереди и чуть справа — каменная лестница, которая уводит вверх, на следующие этажи. В зале холодно и полутемно. На свечах он, что ли, экономит, этот виконт? Может быть, в таком случае я именно для того ему и понадобилась: чтобы поправить плачевное финансовое положение? Все-таки приданое у меня совсем неплохое.

Высокие витражные окна из цветного стекла. Казалось бы, красиво, но тона какие-то тоскливые, и краска с трудом пропускает внутрь солнечный свет, добавляя помещению мрачности. В центре зала опять толпятся слуги, но эти уже рангом повыше. Они тоже смотрят на меня с нескрываемым интересом, а некоторые периодически перешептываются. Я же стою перед ними в нескольких шагах от порога и испытываю почти непреодолимое желание развернуться и выбежать за дверь. Но прекрасно понимаю: бежать мне некуда и вернуться все равно придется, а тогда будет только хуже. И потому продолжаю оцепенело стоять, ожидая, когда появится хозяин замка.

Не выдержав, опускаю глаза и вижу собственные ноги, вернее скрывающую их юбку, синюю в белую полосу, достаточно длинную, чтобы быть пристойной, но в то же время и не в пол. Юбки в пол считаются нескромными, поскольку, как нам объяснили в пансионе, привлекают излишнее внимание мужчин. Вот я и стою здесь в своем ужасном ученическом наряде, в целомудренной белой рубашке, верхняя пуговица которой давит на горло так, что даже дышать тяжело, и в нелепой юбке, которая совершенно мне не идет...

Заодно я украдкой рассматриваю собравшихся. Вон тот невысокий мужчина справа, вернее всего, дворецкий, а вот этот, в приметной куртке, наверное, главный лесничий. Рыжеволосая женщина лет двадцати пяти что-то зашептала на ухо своей соседке, и обе бросают на меня насмешливые взгляды. Не могу определить ее должность. Вторая — точно горничная, но рыжеволосая одета не по форме; на ней чрезвычайно нескромное платье вызывающего красного цвета. Совершенно вопиющее непотребство. Интересно, а мне тоже позволят носить что-нибудь подобное?..

Я все-таки не выдерживаю их взглядов, которые, как мне кажется, делятся на насмешливые и враждебные. Но все время смотреть в пол тоже нельзя, и я делаю вид, будто чрезвычайно заинтересовалась висящим на стене искусно выполненным гобеленом. Это знаменитое изображение на религиозную тематику: «Святой

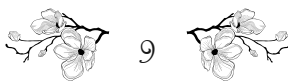

Веллир силой мысли убивает дракона». Это лишь одна из целой серии подобных картин: «Святой Веллир силой мысли побеждает демона», «Святой Веллир силой мысли разводит огонь» и прочая, и прочая. Я слегка улыбаюсь: вспоминаю альбом с карикатурами, который девчонки как-то раз отыскали в одной из спален между днищем кровати и матрасом. Видимо, рисунки были выполнены и спрятаны одной из прежних учениц пансиона. Помимо традиционных изображений там были добавлены еще два: «Святой Веллир силой мысли лишает святую Катильду девственности» и «Святой Веллир силой мысли зачинает святой Катильде ребенка». Улыбка слетает с моих губ: тех двух девочек, которых застали с этими рисунками, потом били по рукам розгами. И делали это публично, прекрасно понимая, что посмотреть карикатуры успели все. Бить всех не станешь, но и устрашение тоже работает неплохо.

Громкие шаги, раздающиеся откуда-то сверху, возвещают о прибытии новых действующих лиц. Вместе со слугами я поднимаю взгляд на лестницу. От страха все деревенеет внутри. Спустились двое мужчин. Один не то помощник, не то секретарь, или кто-то еще в этом роде. Но все мое внимание приковано ко второму.

Виконт Дамиан Телбридж сошел с лестницы и шагнул в мою сторону. Слуги почтительно расступились. Он остановился в нескольких шагах от меня и тоже разглядывает, откровенно изучающе. И молча. Господи, да он же годится мне в отцы! Не иначе драгоценный папочка так давно не видел свою дочь, что просто забыл, сколько ей лет, когда надумал подобрать жениха. А ей, между прочим, не более чем семнадцать! Простите меня, боги, я знаю: нельзя так о покойнике.

Возраст — это еще полбеда, но он и впечатление производит чрезвычайно отталкивающее. Мрачный, угрюмый. В глазах ни тени приветливости. Только отчужденность и почти что осуждение, словно он заведомо обвиняет меня в тех грехах, которые я не успела еще совершить, но непременно совершу в будущем. Губы плотно сжаты. Никакого намека на улыбку. Черные волосы,

темная одежда, бледное лицо. Цвет глаз я не разглядела: здесь темно да я и не решаюсь смотреть ему прямо в глаза. От всего облика веет холодом. И у меня внутри все обрывается.

Нет, я не такая уж глупая и наивная, хоть и прожила несколько последних лет запертая в пансионе. Я не романтик и вовсе не ожидала, что между мной и женихом внезапно вспыхнет большое и светлое чувство. На любовь я не рассчитывала, но на что-то немного более скромное я, признаться, надеялась. Дружба? Уважение? А этот человек, кажется, испытывал ко мне лишь неприязнь. И я его уже боялась.

— Леди Вероника Фостер?

Вопрос задан таким тоном, что хочется вытянуться по струнке и по-солдатски крикнуть: «Я!». Но я просто молча киваю, внутри и без того уже чувствуя себя натянутой струной.

Он снова оглядывает меня, как будто только что узнал что-то новое. Заговаривать повторно не спешит. Слути перешептываются, косясь в мою сторону с откровенной насмешкой. Не иначе ему нравится держать меня в нынешнем идиотском положении.

— Приветствую вас в замке Телбридж.

И на том спасибо.

— Благодарю вас, виконт.

Хотела ответить громко, но голос не слушается, и получилось едва слышное бормотание.

— Простите, милорд, куда прикажете доставить это?

Сопровождавший меня слуга успел еще раз сбегать к карете и теперь вернулся, держа в руке совсем маленький сундучок. Мое приданое. Маленький-то он маленький, почти шкатулка, но под завязку набит драгоценными камнями. Я видела. И он, виконт Телбридж, тоже прекрасно понимает, что это такое. Небось сундучок подробно описан в одном из тех писем, что мой отец отослал ему перед смертью.

— Отнесите в сокровищницу.

Голос звучит холодно, почти равнодушно, будто ему нет до приданого никакого дела. Ага, так я тебе и поверила. Если тебе

